

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ)

© А.В.Саломатин

В статье рассматривается проблема влияния национального самосознания современных поэтов – ориентированного на изолированность в рамках отечественной культуры либо же на интеграцию в культуру общемировую – на формальную организацию их текстов.

Ключевые слова: стихотворная форма, аллюзия, гражданская лирика.

М.Альтшуллер, начиная разговор о деятельности «Беседы любителей русского слова», отмечает, что «чисто литературные проблемы лежали лишь на самой поверхности» [1:27] и что книга А.Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» «может и должна быть рассмотрена в контексте не только литературной, но и общественно-политической борьбы начала <XIX – А.С.> века» [1: 29]. Действительно, именно выбор платформы идеологической во многом определял выбор платформы эстетической, а использование автором тех или иных художественных или лексических средств могло служить своего рода маркером, свидетельствующим о его (автора) принадлежности к тому или иному лагерю. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть, как проявляется на формальном уровне приверженность уже современных российских стихотворцев условно консервативным либо либеральным взглядам¹.

Примечательно, что границы эстетические оказываются куда более открытыми, нежели границы идеологические – категорически не принимаемая идеология авторов противоборствующего лагеря, поэты могли использовать в своих стихах их удачные литературные находки.

Обратимся к одному показательному примеру из истории русской литературы.

Ещё в 1926 г. Л.Гроссман предположил, что фамилию заглавного героя «Евгения Онегина» А.Пушкин позаимствовал из комедии А.Шаховского «Не люблю – не слушай, а лгать не мешай» [2: 408-409]. Однако этим влияние произведений нерукоподаваемого в кругу «арзамасцев» драматурга на роман в стихах не исчерпывается.

¹ Разумеется, рамки статьи не позволяют подробно осветить проблему в полном объёме, поэтому следует сразу оговориться – мы предлагаем читательскому вниманию не столько исчерпывающую картину, сколько отдельные штрихи к ней.

Так, эффектная эллиптическая конструкция «Вошёл: и пробка в потолок!» (гл.1, XVI) представляет собой прямое заимствование из комедии Шаховского «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817, опубл. 1818): «За славу, за любовь, за наш удалый полк / Бутылка зашипит – и пробка в потолок!» [3: 306]. К обличающему монологу авторского протагониста из комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815) – «Всё это удалство чужой науки плод. / Кокетства в старину святая Русь не знала, / И слова этого по-русски перевесть / Не можно, я и рад; пускай названья честь / Изобретателям останется» [3: 261-262] – восходят сразу две иронических колкости: «Но *панталоны, фрак, жилет*, / Всех этих слов на русском нет» (гл. 1, X XVI) и сакраментальное «Шишков, прости: / Не знаю, как перевести» (гл. 8, X IV). В данном случае мы имеем дело с иронической полемикой – через травестирование и выворачивание наизнанку пафоса оригинала. И, наконец, к упомянутой «Своей семье» восходит и пассаж о деревенском быте Лариной-матери: «Звала Полиною Прасковью <...> ...стала звать / Акулькой прежнюю Селину...» (гл. 2, XXXIII). Ср.: «...они перекрестились / В такие имена, что в святцах нет у нас. / Перетой, помнится, Параша назвалась, / Фаншетой Фенюшка; а старшую, Бог с нею, / Так назвали, что я и вымолвить не смею» [3:338]. Разумеется, оба автора откликались на модное поветрие, но, учитывая несомненное знакомство Пушкина с пьесой Шаховского, вполне закономерно предположить, что источник известных строк – не только жизненный, но и литературный. Последний пример любопытен ещё и тем, что на сей раз цитирование вполне сочувственное – автор «Евгения Онегина» разделяет позицию автора «Расхищенных шуб».

Подобное «перекрёстное опыление» характерно и для современной поэзии. Если же говорить об общих тенденциях, то представители

консервативного лагеря в большинстве своём ориентированы на традиционные, проверенные временем, поэтические формы, избегая экспериментов. Причины, по-видимому, вновь преимущественно идеологические: апеллируя к широкому (а значит – часто наивному) читателю, авторы стремятся сделать стихи понятными не только «немногим избранным» и, вольно или невольно, наследуют традиции советской массовой поэзии (показательны в этом смысле стихотворные подборки, публикуемые в журнале «Наш современник»).

Из всех современных стихотворцев консервативного лагеря авангардистских практик не чужда едва ли не одна А.Витухновская. Впрочем, и её опыты сложно назвать новаторскими – поэтесса уверенно следует за А.Вознесенским.

К правилам литературной политики, принятым в кругу консерваторов, вполне применимы слова М.Амелина, сказанные им по поводу гражданской поэзии: «Есть ли у гражданской поэзии какая-то особая, только ей присущая форма, некий оригинальный склад, отличающий её от иных поэтических произведений? – Увы, нет. Более того, гражданская поэзия всегда использовала обветшалые формы предшествующих литературных эпох. Рылеев, например, подражал “нравоучительной” оде XVIII века, “Коль был её творцом Державин или Петров...”, как сам он однажды проговорился, а Некрасов произрастил свой стих из трёхсложников и фонетических находок Бенедиктова и Лермонтова, наполнив его иным содержанием» [4].

Любопытно, что десять лет спустя Амелин сам сложил образец гражданской лирики – «Опыт о патриотизме» [5]. В нём поэт, наследующий в своём творчестве не только «цветущую архаику» XVIII века, но и абсурдистские практики обэриутов, с дидактической прямолинейностью нападает на дидактическую прямолинейность и иронизирует по поводу неспособности наивных читателей из «мнимых патриотов» понять не прямое высказывание.

Ориентированная, подобно гражданской лирике, на мгновенный читательский отклик, поэзия современных консерваторов тяготеет либо к простоте и прямолинейности, либо – к нарочитой демонстративности приёма. Впрочем, и в рамках эстетики демонстративности возможны небезынтересные опыты. К примеру, у В.Амелина, на стихах которого остановимся подробнее.

Наследуя Т.Кибинову и И.Иртеневу (подробнее о литературной генеалогии Амелина см.: [6]), автор в лучших своих вещах не только сумел превратить приметы наивно-дилетантского стихосложения в литературный приём, но и по-

казал любопытный диалог с предшествующей поэтической традицией. Обратимся к балладе «Смерть Украинца» [7: 37-41], повествующей о безвременной кончине надорвавшегося на работе «арбайтера, маляра-штукатура». Чередование четырёх- и трёхстопного амфибрахия МЖМЖ вызывает устойчивые ритмические ассоциации с «Песнью о вещем Олеге» Пушкина. Несмотря на то, что текст Амелина написан не шестистишиями, а катренами и содержит реминисценции из стихотворений аналогичных размеров – от «Раскинулось море широко...» Г.Зубарева («Раствор я больше не в силах мешать») до «На погребение английского генерала сира Джона Мура» Ч.Вольфа в известном переводе И.Козлова («Не пел панихиду раскормленный поп, / Не тлел росный ладан в кадиле, / Запаанный наглухо цинковый гроб / В товарный вагон погрузили») – источник, на который следует держать равнение, недвусмысленно указан в самом начале: «Скажи мне арбайтер, сын вольных степей, / Зачем ты собрался в дорогу?». К тому же дважды в текст, словно рудимент строфики пушкинского оригинала, вклиниваются двустишия. Во втором из них сообщается о смерти героя: «В могилу унес он ответ мне. Увы... / Открыли объект к юбилею Москвы». Следующая же строфа, с которой начинается новый сюжетный виток, написана уже не четырёх-, а двустопным амфибрахией. При восприятии текста на слух на смену размера может намекнуть лишь изменение рифменного рисунка, однако тон стихотворения превращается из стоически-трагического в торжественно-героический, подсказанный «Гренадой» М.Светлова, которую Амелин тут же подхватывает: «Все было как надо - / Фуршет, торжество. / Там фирма "Гренада" / Теперь, ТОО. <...> Не надо <тужить о несчастном хохле – А.С.>, не надо, / Не надо, друзья. / Гренада, Гренада, / Гренада моя... ». Преодоление трагизма на интонационном уровне обусловлено дальнейшим развитием сюжета: подобно гоголевскому Акакию Акакиевичу, «несчастный хохол» возвращается с того света, наводя суеверный ужас на персонал открытого к юбилею Москвы объекта.

² Похоже, эти тексты и сами не избегли пушкинского влияния: если Козлову в наследство от «Песни...» досталось лишь не совсем уместное в контексте слово «дружина», то отдельные куплеты Зубарева, избыточные неотрафелированными аллюзиями, не могут не восприниматься комично. Например: «Котлы паровые зловеще шумят, / От силы паров содрогаюсь, / Как тысячи змей пары же шипят, / Из труб кое-где пробиваясь» [8: 398]. Ср. «Ковши круговые, запеняясь, шипят / На тризне плачевной Олега». Да и образ змей явно подсказан стихотворением Пушкина.

Порою, впрочем, автор отказывается от напрашивающихся игр с предшествующей метрической традицией. Так, стихотворение «Комаринская», обращённое, как явствует из нехитрого каламбура в названии, к комару, написано не размером популярной плясовой, обретшим не только макабрическое звучание благодаря Случевскому, но и остро-гражданское благодаря массе анонимных переделок, а бодрым «частушечным» хореем, причём подсказанным отнюдь не державинской «Похвалой комару», имеющей куда более сложную строфическую организацию, а процитированным в первом же катрене «Чёрным вороном»: «Не жужжи комар проклятый / Над моею головой, / Руки, ноги, как из ваты, / За окном июльский зной». Однако данное стихотворение любопытно тем, что в нём Емелин отступает от принципа демонстративности – текст содержит реминисценцию из Джона Донна, которую неискушённый читатель едва ли способен будет оценить. Умиравший от жары и алкогольной интоксикации лирический герой в духе фольклорной традиции заклинает комара полететь с весточкой к любимой: «Передай, что помнить буду, / И покрепче поцелуй. <...> И на миг один короткий / Обвенчает твой живот / Мою кровь, что горше водки, / С её сладкою, как мёд». Ср. с началом стихотворения «Блоха» английского метафизика: «Взгляни и рассуди: вот блошка / Куснула, крови выпила немножко, / Сперва – моей, потом – твоей, / И наша кровь перемешалась в ней» (пер. Г. Кружкова).

И всё же очевидно, насколько такая нарочитая литературоцентричность стихов Емелина отлична от подлинно глубокого осмысления предшествующей традиции во внешне неброских стихах О. Чухонцева, остроумно окрещённого Н. Ивановой «русским европейцем». Несмотря на то что при поверхностном прочтении именно Емелин производит впечатление более новаторски-ориентированного автора, феномен его был

возможен лишь в ситуации, когда постмодернистская центонность перестала восприниматься широкой публикой как радикальное новшество.

Итак, подводя предварительные итоги, можно сказать, что формальным маркером текстов современных представителей консервативного лагеря служат не столько конкретные художественные приёмы, сколько их растиражированность – для того чтобы войти в творческий арсенал поэта-консерватора, приём должен стать общим местом. Таким образом, декларируемый интерес к национальной культуре подменяется на деле культурной провинциальностью (примечательно, что в «Беседе», предтече российского славянофильства, состояли образованнейшие люди своего времени). Видимо, по этой причине литературные консерваторы и либералы ныне поменялись ролями – если два века назад последние творчески переосмыслили находки первых, то теперь первые эксплуатируют достижения вторых.

*****

1. *Альтиуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2007. – 448с.
2. *Гроссман Л.* Записки Д'Аршиака. Пушкин в театральных креслах. – М.: Художественная литература, 1990. – 462с.
3. *Шаховской А.* Комедии. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1961. – 830с.
4. Поэзия и гражданственность // Знамя. – 2002. – №10. – С. 198-207.
5. *Амелин М.* Победная песенка. // Новый мир. – 2013. – №1. – С.92.
6. *Саломатин А.* Я хочу быть любим, но не вами... (о стихах Всеволода Емелина). // Вопросы литературы. – 2010. – №6. – С.74 – 90.
7. *Емелин В.* Песни аутсайдера. – СПб.: «Красный матрос», 2002. – 112с.
8. Песни русских поэтов: Сборник в 2-х т. – Л.: Советский писатель, 1988. – Т.2. – 624 с.

THE ISSUE OF NATIONAL IDENTITY IN MODERN RUSSIAN POETRY: FORMAL ASPECT (PHILOLOGICAL NOTES ON THE DIALOG BETWEEN THE CONSERVATIVES AND LIBERALS)

A.V.Salomatina

The article considers the issue of the influence the national identity of the modern Russian poets, focused on isolation in the scope of home culture, or aimed at the integration into the world culture, has on the formal organization of their texts.

Key words: verse form, allusion, civilian lyrics.

* * * * *

Саломатин Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, докторант кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: alexey.salomatin@gmail.com

Поступила в редакцию 27.05.2013